

На поклонение всех христиан

ШЕДЕВРЫ КАРГОПОЛЬСКОЙ ИКОНОПИСИ НА ВЫСТАВКЕ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

В Древней Руси Каргополем именовали все Поонежье — от озера Лаче до Белого моря. Сейчас это земли трех районов Архангельской области — Каргопольского, Онежского и, частично, Плесецкого. Уникальному наследию восточнохристианского искусства этого края посвящена выставка в Музейно-выставочном комплексе Российской академии художеств «Галерея искусств Зураба Церетели». Здесь демонстрируются полторы сотни икон и произведений полихромной деревянной скульптуры из храмового убранства.

В этом партнерском проекте основную роль играют фондодержатель всех шедевров — Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск) и отметивший недавно вековой юбилей Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика Игоря Грабаря. Специалисты последнего вернули к жизни подавляющее большинство выставленных памятников (об основных достижениях, с которыми в этом учреждении встретили круглую дату, читайте в материале: *В огне не горят, в веках не тонут // ЖМП. 2018. № 10*).

Но и Академия художеств в данном случае выступила отнюдь не только как выставочная площадка. Именно с этого общественного института начался интерес к древнерусской иконе в современном его понимании: в 1863 году его академик и коллекционер Василий Прохоров († 1882) учредил древлехранилище, расположенное на 3-й линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге. Позднее «прохоровское собрание» оказалось в Русском музее. Именно на его основе там формировалась богатейшая коллекция древнерусской живописи, вдохновлявшая таких всемирно признанных художников, как, например, привлеченный к росписи Храма Христа Спасителя Михаил Нестеров.

Новгородские истоки

Но когда каргопольское письмо зарождалось, Санкт-Петербурга еще и в помине не было. Первыми из русских переселенцев онежские берега начали осваивать новгородцы. «Вплоть до XVII века православных церквей в этой местности было очень мало, и административно все они относились к Новгородской епархии, — говорит

автор выставки заведующая отделом древнерусского искусства ГМО «Художественная культура Русского Севера» доктор искусствоведения Татьяна Кольцова. — Оттого-то в самых древних из сохранившихся здешних икон явно прослеживаются узнаваемые черты новгородской живописи. Посмотрите на эту икону Божией Матери с Младенцем и пророка Божия Илии, датируемую второй половиной XV века. К сожалению, сохранилась она только фрагментарно. Но как по общей цветовой гамме, так и по особенностям композиции и рисунка можно с уверенностью сказать: это классический новгородский памятник. В наш музей его передали правоохранные органы полвека назад. Икону милиция, в свою очередь, изъяла у «черных туристов» — заезжих гастролеров, варварски выломавших святыню из рамы. Когда наши сотрудники поспешили в Никольскую часовню в деревне Бухалово на Кенозере, недостающую часть лика Ильи Пророка они, увы, не нашли...»

Помимо захватывающего иконографического ряда, по которому можно проследить эволюцию письма каргопольских изографов на протяжении полутысячи лет, в этой экспозиции можно усмотреть еще и скорбный памятник нерадению о собственном культурно-историческом наследии, повсеместно наблюдавшемся в советскую эпоху. Деревянные церкви с прохудившейся кровлей заливало дождями и засыпало снегом, в каменных храмах устраивали гнездовья пернатые. В обоих сценариях первыми гибли иконы, и деятельность основателя этой музейной коллекции реставратора и исследо-

вателя Русского Севера Николая Померанцева иначе как подвижнической не назовешь. В ходе экспедиций по Онеге, организованных с 1958 по 1971 год под эгидой Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской, ему удалось спасти сотни иконописных шедевров из сел и деревень Ошевенское, Саунино, Лядины, Архангело, Бережная Дубрава, Астафьево. За последние десятилетия большинство из них прошли через руки специалистов Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени Игоря Грабаря и на публике выставляются впервые.

«Понравишься — и так отдам»

«У местных жителей в советское время иконы мы не покупали — просто потому, что те их не продавали, — продолжает Татьяна Кольцова. — Прибываем в экспедицию в село или в деревню, стандартный ответ таков: “Понравишься — и так отдам, а не понравилась — ничего не получишь!..” Иногда мне удавалось “понравиться”...» На все Каргополье, по словам искусствоведа, тогда оставался единственный действующий храм в райцентре. В заброшенных же приходилось видеть штабеля руинированных икон, до которых у клириков, конечно, никогда не дошли бы руки. Часть священнослужителей понимала: им это сохранить не по силам, поэтому никогда не противились изъятию

Деисусный и праздничный чины: пророк Иона, Благовещение; пророк Даниил, Сретение. Последняя треть XVII в. Из Богоявленской церкви с. Ошевенское

в пользу музея по официальным актам. Местное население при этом искренне радовалось: «Берите, а то ведь кто-то нарушит...» «Нарушить», по их выражению, могла и молния, и приезжавшие на летние каникулы дети, но чаще — собственная безалаберность и наплевательство. «Вот, приезжаем в 1981 году на Кенозеро, — вспоминает Татьяна Кольцова. — Деревенский хранитель открывает часовню XVIII века, “небо” с иконостасом в дождевых подтеках. На самой часовне табличка “Охраняется государством”, а рядом стоят рулоны рубероида. Спрашиваю старосту: “Отчего же крышу не покроете, чтобы хотя бы дождевая вода внутрь не попадала?” Он в ответ — со своеобразным чувством юмора: “Государево не трогаем!”». Татьяна показывает фотофиксацию Николая Померанцева с зернохранилищем в селе Бережная Дубрава. Это церковь Рождества Богородицы. Если приглядеться, то на изображении можно увидеть икону Божией Матери Одигитрии со святителем Василием Великим, которую удалось перевезти в музей. Образ донес до современности не только точную датировку — 1527 год, но и назидательную надпись «поставлена на поклонение всех христиан».

Если в первых экспедициях Померанцев ориентировался на вывоз самых ценных древностей, созданных не позднее XVII века, потом

Митрополит Псковский и Порховский Тихон, председатель Патриаршего совета по культуре

Нечасто для столь широкой аудитории выставляются произведения православного художественного наследия Русского Севера. В большинстве своем эти работы не имеют установленного авторства: можно определить только время и место их создания. Вместе с тем каждый из художественных памятников, включенных в экспозицию, несет на себе отпечаток личности мастера, являющийся выражением его благочестия, живым свидетельством его христианской веры. Отраднo, что для проведения выставки были объединены усилия ведущих музеев, художественных и реставрационных центров России. Такие совместные проекты не только становятся значимыми событиями культурной жизни, но и взаимообогащают самих участников, открывая перед ними новые перспективы сотрудничества.

Игорь Орлов, губернатор Архангельской области

Эта выставка — итог многолетних реставрационных практических и научно-исследовательских работ по сохранению наследия Каргополья — одного из главных художественных центров Русского Севера. Каргополье — былинный и песенный край. Именно сюда отправились в поисках редких этнографических типов и характерных северных пейзажей с древними церквями художники Иван Билибин и Игорь Грабарь. Культура Каргополья многолика и разнообразна, как и удивительна природа этого края. Вдали от крупных городов, больших строек и железных дорог Каргопольская земля смогла сохранить свой неповторимый облик. Среди всего разнообразия произведений живописи, представляющих северное письмо, искусство каргопольских мастеров занимает особое место. Сотрудники Государственного музейного объединения и реставраторы сохраняли церковное наследие Каргополья в сложных экспедиционных условиях.

*Спас в силах из Деисусного чина.
Последняя треть XVII в.
Из Богоявленской церкви
с. Ошевенское*

стало очевидно: надо забирать все, что можно, иначе иконы исчезнут безвозвратно. В экспозиции можно увидеть датирующийся рубежом XV–XVI столетий Деисусный чин из Никольской церкви в селе Астафьево. Сначала она осела, потом упала, потом ее... разобрали на дрова. Рядом — еще один Деисусный чин (Богоматерь и Иоанн Предтеча) из сложенной в 1665 году деревянной церкви Иоанна Златоуста в селе Саунино. Выставленная здесь же рама с житийными клеймами от образа святителя Николая располагалась в местном чине иконостаса. «Музей намеревался сохранить весь иконостас как исторический комплекс — ведь в нем ценны не только иконы, но и каркас, и резные деревянные детали, и общее восприятие памятника, — говорит Кольцова. — Увы, в итоге не удалось вывезти даже иконы всех ярусов: очередная экспедиция констатировала их гибель. Посмотрите на ико-

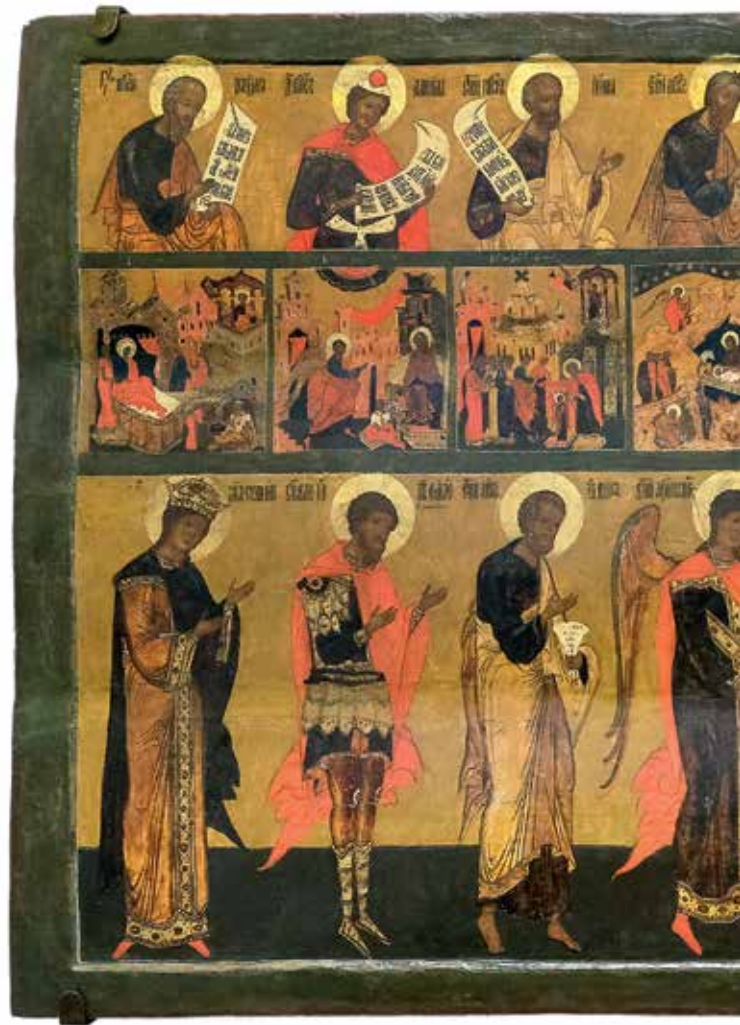
ностас Покровской церкви в селе Лядины. Эту фотографию сделал сам Померанцев 60 лет назад, и еще в 2000-х годах памятник можно было наблюдать именно в таком виде. Теперь — уже нет: в пожаре сгорело все, за исключением отдельных икон».

Богоявленская церковь 1787 года в селе Ошевенском в 40 км от Каргополя жива, сейчас это действующий храм. К сожалению, его состояние оставляет желать лучшего. Пару лет назад Архангельская областная прокуратура включила его в список гибнущих памятников деревянного зодчества, по поводу которых направила представление региональным властям. «Он не относится к приоритетным объектам, поэтому бюджетные средства на него не выделяются, — разводит руками заместитель губернатора, руководитель представительства Архангельской области при Правительстве РФ

Северяне были очень привязаны к древним образам, даже при поновлении стремились сделать так, чтобы они выглядели «под старину».

Елена Кутукова. — Мы изо всех сил боремся за сохранение росписи “неба” — уникальной работы XVIII столетия артели И. И. Богданова-Карбатовского. Мы уже обсуждали этот вопрос с реставраторами ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря, более того, даже сумели согласовать с Инспекцией по охране памятников истории и культуры проект реставрации, сделанный на народные пожертвования! Люди вносили кто сколько может — от пяти до пяти тысяч рублей. Сейчас этот документ находится на утверждении в аппарате Министерства культуры».

Под иконы Богоявленской церкви полностью отдан один из четырех выставочных залов. Здесь демонстрируются практически сошедшие со столов реставраторов Деисусный (XVI век, с поздними поновлениями) и праздничный (последняя треть XVII века) чины иконостаса. Восстановление пророческого ряда завершается силами школы при Союзе реставраторов РФ, и есть шанс, что в рамках намеченного на апрель ежегодного Арктического форума в Архангельске публика наконец-то сможет увидеть ошевенский иконостас полностью. Его создание пришлось на эпоху расцвета каргопольской иконописи — когда она, опираясь на новгородские устои и, словно губка, впитав ростово-суздальские традиции, уже в границах Великого княжества Московского вбирала лучшее из работ изографов Первопрестольного града. Немного сковало развитие и окончательное оформление этого симбиоза Польско-литовское нашествие: враг сжигал здесь церкви, как, пожалуй, больше нигде на Руси. Но зато после его изгнания храмо-строительство испытало мощнейший импульс: новые церкви по селам и деревням ставили, как правило, не поодиночке, а попарно, вместе с колокольной создавая знаменитые онежские ансамбли-«тройки».

Эстафета образа

Внимательный читатель, возможно, успел удивиться: каким образом в ошевенской Богоявленской церкви 1787 года оказались чины из иконостаса одним-двумя веками старше?! Это обычная практика для Севера: деревянные храмы в здешнем климате редко жили дольше столетия, часто горели. Но их убранство прихожане бережно переносили в подготовленную к освящению новостройку, часто воздвигнутую на том же месте. «Северяне были очень привязаны к древним образам, даже при поновлении стремились сделать так, чтобы они выглядели “под старину”, — продолжает рассказ Кольцова. — Посмотрите на эту “трехрядицу” — большую трехрядную икону из церкви в честь Богоматери Одигитрии в селе Малая Шалга. Храм 1834 года жив, а только что отреставрированная икона датируется третьей четвертью XVII века. Это фактически иконостас — только выполненный на большой единой доске для придела (как

правило, компактного и теплого). При пожаре люди из храма в первую очередь спасали храмовый образ и антиминс, а потом уж что получится. Именно поэтому на этой выставке так много храмовых образов. Икону «Огненное восхождение пророка Илии с житием» из Ильинской церкви в селе Задняя Дубрава (Плесецкий район) мы датируем рубежом XVI–XVII веков. Церковь неоднократно горела и перестраивалась, сейчас ее восьмерик стоит без шатра. Этот храмовый образ помнит множество эпох...»

Похожая история — с иконой Николы Чудотворца из Никольской церкви села Астафьева, о гибели которой говорилось выше. Храмовый образ XVI столетия, как по эстафете, прошел через несколько перестроенных церквей. И его нынешнее обрамление с подробным житийным циклом создано в XVII веке уже местным, а не новгородским мастером.

Несколько спасенных музейщиками памятников относятся к сравнительно редко демон-

стрируемым сегодня в публичном пространстве иконографическим темам и изводам — и оттого эта часть выставки особенно интересна. К примеру, из каргопольского Христорожественского собора происходит датируемая рубежом XVII—XVIII столетий икона «Поклонение Кийскому кресту». «Эта работа Кийского Крестного монастыря выполнена, как парсуна, на холсте, оттого его было очень трудно восстанавливать, — замечает Татьяна Кольцова. — Здесь очень много серебра, и мастерам тяжело было справиться с его почернением, но в итоге все удалось». На иконе мы видим само изображение семиконечного Кийского креста с предстоящими равноапостольными Константином и Еленой, Патриархом Никоном, царем Алексеем Михайловичем и его супругой царицей Марией Ильиничной.

Из того же собора происходят три небольших резных ангела (конец XVIII века). Деревянная полихромная резьба — отдельный мотив

Икона трехрядная: Деисусный, праздничный и пророческий чины, с частичной реконструкцией. Третья четверть XVII в. Из церкви в честь Богоматери Одигитрии в с. Малая Шалга (1834–1836)

Огненное восхождение пророка Илии с житием. Кон. XVI — нач. XVII в. Из Ильинской церкви с. Задняя Дубрава

в каргопольском наследии. Ее принял, благословив распространение по Русскому Северу таких объемных икон, митрополит Новгородский Макарий, впоследствии прославленный Церковью в святительском лике. Возможно, благодаря этому подобное своеобычное проявление северного христианского искусства дошло до нас в более-менее значимых объемах. Из памятников этого ряда на выставке демонстрируется также «Христос в темнице» из церкви на Куфтыревском погосте (конец XVIII — начало XIX века). «Конечно, в храмовом пространстве такой объемный образ обычно помещался в глубокий киот, и молящиеся видели его лишь частично, и то в полумраке», — замечает Татьяна Кольцова.

Авторы выставки не могли обойти тему широко распространенных на Севере старообрядческих культурных традиций. «Из поморских экспедиций я дважды вывозила резные кресты с характерными для старообрядцев сложными аббревиатурами, символизирующими ту или иную священную фразу или евангельскую цитату, — продолжает Кольцова. — Местные жители часто ставили их в красный угол наравне с иконами. “Да и на карбасе не жалко с собой возить”, — сказал мне один рыбак, продемонстрировав нечто вроде изготовленного кустарно ушка для подвеса. А местность между Выгом и Чаженьгой — вообще излюбленное место так называемого хождения староверов, чьи иконописцы там перемещались, зарабатывая себе на хлеб». Постепенно и местные мастера, рассудив, что они ничем не хуже, стали писать иконы для старообрядцев. На выставке можно найти интереснейший памятник из этого ряда — образ преподобного Макария Унженского с житием из Макарьевской часовни деревни Качикова гора. Средник ее написал православный мастер, а клейма — старообрядческий, из Олонецкой губернии. «Желтоводского чудотворца в наших краях в древности почитали очень сильно. Неслучайно монахи Ошевенского монастыря еще в 1640 году в лесной глуши на берегу Хергозера основали небольшую пустынь, посвятив ее преподобному Макарию, и паломники стекались туда со всей округи», — говорит искусствовед.

«В службах епархиальных древлехранителей сейчас развернута весьма интенсивная работа по выявлению и сохранению архитектурного наследия, находящегося у Церкви в пользовании. В то же время, что и как делать с движимыми памятниками, на местах не всегда понимают, — резюмирует заведующий отделом программ Патриаршего совета по культуре Александр Парменов. — Многих приходится учить видеть красоту и ценность даже в позднейших, как кому-то кажется на первый взгляд, иконах, чтобы уже нашим потомкам не пришлось спасать их остатки от полной утраты. Эта выставка учит бережному отношению к любым предметам храмового убранства — как священнослужителей с их помощниками, так и всех остальных».

Дмитрий Анохин